

25 мч
45
СЕКРЕТНО.

ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ В ЛИВАДИИ

6 февраля 1945 г. в 16 час.

Присутствуют: со стороны СССР - тт. И.В. Сталин, В.М. Молотов,
А.Я. Вышинский, И.М. Майский,
А.А. Громико, Ф.Т. Гусев,
В.Н. Павлов.

со стороны Великобритании: Черчилль, Иден,
Кадоган, Керр, Бриджес,
Бирс, Вильсон, Динсон,
Джебб.

со стороны США: Рузвельт, Стеттиниус, ^{Леги} Гоп-
кинс, Бернс, Мэтьюс, Хис, Бо-
лен.

Рузвельт заявляет, что он хотел бы спросить Молотова, мо-
гут ли Министры иностранных дел доложить о результатах своего
совещания, или им еще нужно время для разработки порученных
им вопросов?

Тов. Молотов предлагает, чтобы о результатах совещания
министров иностранных дел доложил Стеттиниус. Советская сто-
рона согласна с тем, что было предложено Стеттиниусом в отно-
шении расчленения Германии. Он, тов. Молотов, снимает свое пред-
ложение.

Стеттиниус говорит, что таким образом по этому вопросу
достигнуто единодушное решение. Статья 12 будет дополнена сло-
вами "и расчленение Германии".

Черчилль заявляет, что он очень благодарен Молотову за
это. Он, Черчилль, не имел возможности доложить данный вопрос
Кабинету. Но он уверен, что Кабинет согласится с принятым ре-
шением. Черчилль рад, что соглашение достигнуто в нынешней
форме. Он хотел бы спросить также, достигнуто ли соглашение о
контроле во французской зоне оккупации?

т.т. Сталин, Молотов и Иден отвечают отрицательно.

Черчилль заявляет, что положение Франции имеет важное

Тов. Сталин, продолжая свою речь, заявляет, что пока две великих державы приняли устав международной Организации Безопасности, который, по мнению Черчилля, защитит их от обвинений в желании властвовать над миром. Третья держава еще не дала своего согласия на этот устав. Однако, тов. Сталин изучит предложения, сформулированные Стеттиниусом, и, возможно, тогда ему станет яснее, в чем тут дело. Тов. Сталин думает, однако, что перед союзниками стоят сейчас гораздо более серьезные проблемы, чем вопрос о праве наций на высказывание своего мнения или вопрос о стремлении трех главных держав к мировому господству. Черчилль говорил, что нет оснований опасаться чего-нибудь нежелательного даже в случае принятия американских предложений. Да, конечно, пока все мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет, или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда? Мы как-будто бы задаемся целью обеспечить мир, по крайней мере, на 50 лет вперед. Или, может быть, он, Сталин, думает так по своей наивности? Самое же важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому, надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя державами, и которым придется, пожалуй, прибавить еще Китай и Францию? Вот почему вопрос о будущем уставе Организации Международной Безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это главная задача.

Переходя более конкретно к вопросу о голосовании в Совете Безопасности, тов. Сталин просит Конференцию извинить его за то, что он не успел изучить во всех деталях документы, относящиеся к Думбартон-Окс. Он был очень занят кое-какими другими делами и, потому, надеется на снисхождение со стороны британской и американской делегаций.

скую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше. Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем Ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, тов. Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в положении компенсировать Польшу за счет Германии на Западе. Во время пребывания Миколайчика в Москве он спрашивал товарища Сталина, какую границу Польши на Западе признает Советское Правительство? Миколайчик был очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши мы признаем линию по реке Нейсе. В порядке разъяснения нужно сказать, что существуют две реки Нейсе: одна из них протекает более к Востоку, около Брест-Литовска, а другая — более к Западу. Товарищ Сталин считает, что западная граница Польши должна идти по западной Нейсе, и он просит Рузвельта и Черчилля поддержать его в этом.

Другой вопрос, по которому товарищ Сталин хотел бы сказать несколько слов, — это вопрос о создании Польского правительства. Черчилль предлагает создать Польское правительство здесь, на Конференции. Товарищ Сталин думает, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют его, товарища Сталина, диктатором, считают его не демократом, однако, у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать Польское Правительство без поляков. Польское Правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия. Подходящий момент для этого был прошлой осенью, когда Черчилль приезжал в Москву и привез с собой Миколайчика, Грабского и Ромера. В Москву тогда были приглашены и представители люблинского правительства. Между лондонскими и люблинскими поляками была устроена встреча. Наметились даже некоторые пункты соглашения. Черчилль об этом должен помнить. Затем Миколайчик уехал в Лондон с тем, чтобы очень скоро вернуться в Москву для завершения шагов по организации польского правительства. Вместо этого, однако, Миколайчик был изгнан из польского правительства в Лондоне за то, что он отстаивал

соглашение с люблинским правительством. Нынешнее польское правительство в Лондоне, возглавляемое Арцишевским и руководимое Рачкевичем, против соглашения с люблинским правительством. Больше того: оно относится враждебно к такому соглашению. Лондонские поляки называют люблинское правительство собранием преступников и бандитов. Разумеется, бывшее люблинское, а теперь варшавское правительство не остается в долгу и квалифицирует лондонских поляков, как предателей и изменников. При таких условиях, как их об"единить? Товарищ Сталин этого не знает. Руководящие лица варшавского правительства — Берут, Осубка-Моравский и Роля-Нимерский не хотят и слышать о каком-либо об"единении с польским правительством в Лондоне. Товарищ Сталин спрашивал варшавских поляков, на какие уступки они могли бы пойти? Ответ был следующий: варшавские поляки могли бы терпеть в своей среде таких лиц из числа лондонских поляков, как Грабский и Желиговский, но они и слышать не хотят о том, чтобы Миколайчик был Премьер-министром. Товарищ Сталин готов предпринять любую попытку для об"единения поляков, но только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех. Что же делать? Может быть вызвать сюда варшавских поляков? Или, может быть, вызвать их в Москву и там с ними поговорить?... Во всяком случае, он, товарищ Сталин, с чистой совестью может сказать, что новое варшавское правительство, возглавляемое Берутом и Моравским, имеет никак не меньшую демократическую базу, чем, например, правительство де Голля.

В заключение товарищ Сталин хотел бы коснуться еще одного вопроса, очень важного вопроса, по которому он будет говорить уже в качестве военного. Чего он, как военный, требует от правительства страны, освобожденной Красной Армией? Он требует только одного: чтобы это правительство обеспечивало порядок и спокойствие в тылу Красной Армии, чтобы оно предотвращало возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта. В конце концов, для военных довольно безразлично, какое это будет правительство, важно лишь, чтобы им не стреляли в спину. В Польше имеется варшавское правительство. В Польше имеются также агенты лондонского правительства, которые связаны с подпольными кругами, именующимися "силами внутреннего сопротивления". Как военный,

товарищ Сталин сравнивает деятельность тех и других и при этом неизбежно приходит к выводу: варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной Армии, а от "сил внутреннего сопротивления" мы не имеем ничего, кроме вреда. Эти "силы" уже успели убить 212 военнослужащих Красной Армии. Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы о регистрации радиостанций на освобожденной Красной Армией территории. "Силы внутреннего сопротивления" нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Товарищ Сталин должен прямо заявить, что, если эти "силы" будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать. В конечном итоге, с чисто военной точки зрения варшавское правительство оказывается полезным, а лондонское правительство и его агенты в Польше вредными. Конечно, военные люди всегда будут поддерживать то правительство, которое обеспечивает порядок и спокойствие в тылу, без чего невозможны успехи Красной Армии. Покой и порядок в тылу — одно из условий наших успехов. Это понимают не только военные, но даже и невоенные. Так обстоит дело.

Рузвельт предлагает отложить обсуждение польского востроса до завтра.

Черчилль говорит, что у Советского Правительства и Британского правительства различные источники информации. Британское правительство не считает, что люблинское правительство представляет хотя бы 1/3 польского народа. Таково мнение британского правительства. Конечно, тут возможна ошибка. Нельзя, разумеется, верить каждому рассказу людей, приезжающих из Польши. Британское правительство хочет соглашения, так как опасается, что столкновения польской подпольной армии с люблинским правительством могут привести к кровопролитию и многочисленным арестам. Британское правительство признает, что нападения на Красную Армию в тылу недопустимы. Однако, британское правительство не может считать, что у люблинского правительства имеются какие-либо основания рассматривать себя, как опирающееся на широкую базу, поскольку, по крайней мере, можно судить по имеющейся у

Тов. Сталин отвечает, что это обязательно нужно сделать.

(В. Павлов)

Запись просмотрена и отредактирована тов. И. М. Майским.